

Линь Ишэнь и сам не понимал, почему этот омега ухватил его за руку. Он попытался вырваться, но обнаружил, что рука словно выросла на место.

Невольно у него промелькнула мысль: неужели он действительно перепутал туалет, а этот омега принял его за извращенца и теперь собирается сдать в полицию?

Он тут же запаниковал — такое клеймо ему было совершенно ни к чему. Он уже приоткрыл рот, чтобы объяснить, как вдруг омега резко толкнул его к умывальнику.

Керамическая поверхность раковины была мокрой. От удара в поясницу кольнуло тупой болью, и брызги воды мгновенно промочили одежду.

Линь Ишэнь глухо охнул от боли.

Он не понимал, с чего вдруг этот омега взбесился, но боль заставила его разозлиться.

С какой стати распускать руки на ровном месте?

— Обычный бета...

Омега навалился на него сверху, приплюхиваясь кончиком носа у него возле шеи, и с легким сожалением цыкнул:

— Ну и ладно, сойдет и так, лучше, чем ничего.

Омега запрокинул руки Линь Ишэня за спину и заломил их. Сила у него была невероятная, совершенно не вяжущаяся с представлениями об этом поле.

Линь Ишэнь перепугался не на шутку и, уже не заботясь о том, сможет ли причинить омеге вред, отчаянно забился, пытаясь вырваться.

Они вышли из комнаты ужаса уже ближе к полудню, стояла жара, и в этот час большинство посетителей предпочитали обедать в кондиционируемых помещениях. За последние десять с лишним минут в туалет заходил только один Линь Ишэнь. В беседке напротив общественного туалета Цзи Хуай в пятый страх — в пятый раз поднял руку, чтобы посмотреть на часы. Бета находился внутри уже десять минут: даже если у него расстроился живот, он давно должен был выйти.

— Не дергайся! — низким, предупреждающим голосом произнес омега, свободной рукой обхватив его за подбородок и задрал лицо вверх. Его зубы испуганно — испытующе заскользили по железе.

Это был тот самый общественный туалет для бет, в который вошел Линь Ишэнь.

Неизвестно, подействовала ли эта угроза, но омега действительно перестал скрежетать зубами. Линь Ишэнь с облегчением выдохнул, решив, что избежал беды, но в этот момент услышал насмешливое фырканье.

Эта мысль казалась абсурдной, но стоило семени сомнения упасть в почву, как оно тут же беззвучно пустило корни и пошло в рост.

В лицо пахнуло мощными феромонами омеги в период течки.

Дежавю стало еще сильнее: разве не точно так же все выглядело в тот момент, когда Цзи Хуай собирался его укусить?

— Ты что творишь?!

Уровень этого находящегося в период течки омеги был совсем не низким, и его феромоны оказали на Цзи Хуая довольно сильное влияние. Его эмоции вышли из-под контроля, превратившись в дикую и буйную ярость, требующую все разрушить и сокрушить, чтобы выплеснуть пылающий в груди огонь.

— Сдается мне, будь ты хоть трижды омега, защищенный законом, подобное поведение — это сексуальные домогательства! Я могу подать на тебя в суд!

Когда его терпение уже подходило к концу и он собирался ворваться внутрь, чтобы вытащить беглеца за шкуру, до него донесся отчетливый запах омежких феромонов. Даже Линь Ишэнь при всей своей заторможенности почувствовал, что дело неладно: откуда у этой сцены такое чертовски знакомое ощущение?

Этот витающий по всей уборной аромат зелёных мандаринов — от одного запаха бросает в жар, лицо краснеет, а ноги наливаются свинцом. Если это не феромоны Омеги, то что же тогда?

Как ты, будучи Омегой, можешь так бесстыдно лгать!

Неужели Линь Ишэнь на самом деле Омега и всё это время притворялся Альфой?

— Омега? Кто тебе сказал, что я Омега?

Линь Ишэнь потерял дар речи. Что у него за удивительное телосложение? То, что его кусает Альфа, ещё полбеды, но почему его норовит укусить даже какой-то Омега? Где вообще справедливость?!

Прошло ещё две минуты. Альфа, так и не дождавшись человека, начал всё больше нервничать и ещё чаще проверять время.

Линь Ишэнь: «???»

Цзи Хуай был высшим Альфой, и его обоняние было в три раза острее, чем у обычных Альф. Практически за секунду он определил точный источник феромонов.

Он не знал, был ли человек, впавший в период течки внутри, Линь Ишэнем, и какое-то время не мог решиться, стоит ли ему вламываться туда.

Меры безопасности в парке развлечений были на высоте: каждые двести метров устанавливался датчик порога феромонов. Стоило феромонам периода течки Омеги просочиться наружу, как тут же срабатывала сирена, и ближайшая дежурная бригада охранников-Бет спешно выдвигалась на место.

Когда они увидели, что поблизости находится высший Альфа, они чуть не лишились чувств от страха.

Это же высший Альфа! Если он вдруг потеряет рассудок под воздействием феромонов Омеги, их отряд вряд ли сможет его остановить.

Начальник охраны немедленно подошёл к нему и мягко попытался убедить:

— Уважаемый посетитель, здесь у Омеги начался период течки. Мы приносим извинения за доставленные неудобства, но ради личной безопасности — как вашей, так и того Омеги — пожалуйста, немедленно уйдите с нами в аварийное убежище.

— Мой друг внутри, он ещё не вышел.

Цзи Хуай поджал губы и неподвижно уставился на дверь уборной, явно демонстрируя намерение не уходить, пока не дождётся человека.

Начальник охраны скривил лицо в растерянности. Он сам прибыл только что и знал лишь то, что у какого-то Омеги течка, но совершенно не представлял обстановку внутри туалета и сколько там людей.

Этот Альфа выглядел человеком, с которым трудно договориться: применить силу охранник не смел, а уговорить не получалось.

Как раз когда он уже паниковал так, будто у него горели брови, стоявший перед ним Альфа внезапно сдвинулся с места.

Его брови сошлись на переносице, он упёрся руками в ограждение и, ловко перемахнув длинными ногами через барьер, прыгнул вниз, напрямик направляясь к дверям уборной.

— Эй! Господин! Вам туда нельзя! Начальник охраны громко ахнул, чувствуя, как его работа, судя по всему, только что разлетелась вдребезги.

Линь Ишэню и в страшном сне не могло присниться, что однажды он столкнется с необходимостью обороняться от укуса Омеги.

Зубы у Омег гладкие и округлые, совсем не похожие на острые клыки Альф, которые легко прокусывают железу для создания Метки.

Омега вцепился зубами в кожу на его железе, но как ни старался, прокусить так и не смог — остались лишь два ряда глубоких следов от зубов.

От этого охваченный периодом течки Омега, так и не получивший разрядки, стал еще более раздражительным.

Даже без повреждения кожи это было очень больно, особенно учитывая, что издевательствам подвергалась столь уязвимая область, как железа.

Физиологические слезы смочили ресницы Линь Ишэня. Сквозь боль его рука нащупала что-то круглое.

Это оказалась стеклянная бутылочка с жидким мылом.

Не раздумывая, он схватил флакон и со всей силой опустил его на голову Омеги.

Согласно закону, нападение на Омегу, повлекшее легкие телесные повреждения, наказывалось пятнадцатью сутками ареста, но в этот момент Линь Ишэню было уже не до того.

Его собственная невинность волновала его куда сильнее!

Бутылка была довольно тяжелой, да и Омега никак не ожидал отпора, так что Линь Ишэню удалось провести удар на славу.

Омега, морщась от боли, зажал кровоточащую макушку и отступил на шаг. Нахлынувшая волна головокружения заставила его ослабить хватку.

Линь Ишэнь воспользовался моментом, чтобы вырваться, и, не раздумывая, бросился к выходу из туалета. Он уже высунулся наружу наполовину, видя перед собой рассвет свободы, как

вдруг кто-то с силой дернул его за воротник сзади.

Да с такой силой, что его целиком оттащило назад.

Пришедший в себя Омега оказался не по-настоящему сильным — совсем как ненормальный. Он с силой зажал шею Линь Ишэня, повалил его на пол, после чего намертво прижал своим телом, тяжело дыша и сжав челюсти до побелевших костяшек.

— Куда собрался? Тебе, Бете, жалко дать мне укусить себя, что ли? Какая потеря!

Линь Ишэня душили, лицо его побагровело. Близкое к смерти удушье заставляло желудок судорожно сжиматься: вырвать не получалось, вдохнуть — тоже. Ему стало так плохо, казалось, еще секунда — и он отправится на небеса.

Инстинкт самосохранения заставил его вцепиться в пальцы Омеги, но тот лишь решил, что Бета снова пытается сбежать, и сжал хватку еще яростнее.

В глазах Линь Ишэня заплясали белые вспышки, он чувствовал, что умирает.

В затуманенном сознании мелькнул знакомый силуэт — словно сошедшее с небес божество, — одним ударом сваливший нападавшего на него Омегу.

Свежий воздух хлынул в ноздри, Линь Ишэнь жадно задышал, а затем, мучаясь от спазмов в желудке, согнулся пополам и зашелся в сухих позывах.

Цзи Хуай чуть с ума не сошел, когда увидел, как Линь Ишэнь выбежал, а какая-то рука затащила его обратно. Не заботясь ни о чем, он бросился внутрь и увидел, как какой-то парень прижал Линь Ишэня к полу и пытается надругаться над ним. У него совершенно не было времени на раздумья — движимый чистым инстинктом, он с размаху врезал наглецу.

Парень никак не ожидал, что кто-то ворвется, и рухнул от первого же удара.

Свирепая ярость окрасила глаза Цзи Хуая в красный цвет. Крепко сжав кулаки, он рывком поднял парня за воротник и со злостью добавил еще один удар.

Парень тоже среагировал быстро и попытался дать отпор, но давление феромонов высшего Альфы пригвоздило его к месту, лишив возможности пошевелиться.

Альфы от природы подавляют Омег, и тут не помогла бы никакая, даже самая выдающаяся физическая подготовка последнего.

Цзи Хуай успел нанести еще несколько ударов, но гнев все никак не утихал, пока до его слуха не донеслись звуки сухих позывов Линь Ишэня — это вернуло ему крупицу рассудка.

Как раз в этот момент в туалет ворвался отряд охраны и тут же замер от изумления.

Они думали, что Цзи Хуай ворвался сюда, чтобы пометить течкующего Омегу, но открывшаяся картина оказалась бесконечно далека от их догадок.

Молодой Бета лежал на полу, зажимая живот и сгибаясь от тошноты, на его шее красовались отчетливые синяки, а тот самый Омега в период течки...

Получал жестоких люлей от Альфы!

А-а-а!

Как можно избивать такого хрупкого и нежного Омегу?! Это же незаконно!

Хрупкое сердце начальника охраны едва не остановилось от разрыва.

Он бросился вперед, перехватил уже занесенный для нового удара кулак Цзи Хуая и, заливаясь слезами, принялся уговаривать: — Господин! Господин, успокойтесь! Это же Омега! Его нельзя бить!

Как у него рука поднялась колотить такую красотку-Омегу! Если бить дальше, от человека живого места не останется!

Цзи Хуай проигнорировал начальника охраны, но руку все же опустил. Он оттолкнул парня, подошел к Линь Ишэню и помог ему подняться. Заметив, что тот все еще обессилен, он поддержал его за плечи и с легким упреком в голосе произнес: — Где болит? Дай взгляну.

С этими словами он начал осматривать Линь Ишэня и тут же, к своему ужасу, заметил на шее Беты яркие багрово-синие следы от удушья, безобразные отпечатки зубов на железе, а поверх них — подозрительную влагу.

Стоило лишь на секунду задуматься, чтобы понять, что здесь произошло.

Зрачки Альфы слегка сузились, уголки рта опустились, линия челюсти напряглась, а в глубине глаз взметнулась кровожадная злоба.

— Он укусил тебя.

Это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

— Я убью его!

Низким голосом, разделяя каждое слово, произнес он, словно затаившийся перед прыжком свирепый зверь.

Как этот Омега посмел? Это же его Бета!

<http://bllate.org/book/21021/2136843>